

следие и социальная программа советского писателя и кинематографиста рассматривались через призму категории «социальной иллюзии» как формы эмоционально-образного отражения общественного идеала и стремления художника к его достижению.

Дж. Джиганте (Бельгия) представила доклад «В поисках призрака: любовь как мираж в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“». Исследовательницей был рассмотрен подход писателя к теме «мечтательности» в зрелых произведениях и, в частности, в романе «Идиот», где больше нет *тотального* мечтателя из ранних повестей, полностью охваченного одной лишь мечтой, живущего в некоем творимом им самим жизненным пространстве.

Доклад А. Е. Завьяловой (Москва) «Индустриальная утопия: город будущего в творчестве М. В. Добужинского» был посвящен вопросу о литературных и изобразительных источниках образов индустриальных, преимущественно утопических, объектов промышленного города в произведениях художника. Выявлено, что обращение к традициям пейзажей в ксилографиях Хиросигэ и офортах Дж. Б. Пиранези позволило Добужинскому создать иллюзию гигантских промышленных построек, как реальных, так и вымышленных.

В докладе О. А. Казанцева (Ростов-на-Дону) «Ответ на иллюзию сознания от фантастического жанра: две радикализации „китайской комнаты“ от П. Уоттса и Т. Чана» были рассмотрены реконструкции известного мысленного эксперимента Дж. Серла «китайская комната» (1980) двумя писателями-фантастами.

А. Конн (США) подготовила доклад «Горы и пещеры: иллюзия излечения». Исследовательница предложила «экскурсию» «в сана-

тно-курортные и литературные нарративы о туберкулезе и воздухе» и рассуждала о сложившемся мифе «целестности воздуха» в пещерных санаториях; подробно проанализировала повесть Владимира Маканина «Лаз» (1991).

В докладе Д. А. Стрижова (Екатеринбург) «Иллюзия в анимационных сериалах» рассмотрен сериал «Пантеон» (2022–2023) — художественное высказывание о природе цифрового бессмертия и симуляции сознания. Показано, как художественные средства анимации позволяют визуализировать философские парадоксы: несводимость субъективного живого опыта к цифровой копии, неустранимость личностной уникальности, а также наличие встроенного цифрового дефекта, не позволяющего получить бессмертие даже путем симуляции.

А. В. Сысоева (Москва) представила доклад «Миражи мюзикла: от „Плавучего театра“ до „фабрики грез“, или Появление мюзикла из моря иллюзий», в котором был рассмотрен процесс формирования ряда типичных черт американской культуры, в частности образа «американской мечты», в контексте формального развития американской музыкально-развлекательной сцены. Общие метафоры, идеи, темы и герои объединяют ревю «Зигфельд Фоллийз», музыкальные комедии «о Золушках» начала 1920-х годов и эпический мюзикл «Плавучий театр» (1927) с последовавшим процессом становления Голливуда как «фабрики грез».

По материалам конференции подготовлен сборник: Неканоническая эстетика. СПб.; М., 2025. Вып. 12: Все миражи мира: Иллюзии в литературе и искусстве.

© С. В. Денисенко

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-259-262

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДАНИИЛ ХАРМС: ПОЭТИКА, ИСТОРИЯ, КОНТЕКСТЫ»*

16–17 мая 2025 года в Российской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского состоялась Международная научная конференция «Даниил Хармс: поэтика, история, контексты». Она проводилась в рамках большого проекта, который приурочен

к 120-летию писателя и включает в себя также подготовку посвященного Хармсу издания в серии «Pro et contra».

Подавляющее большинство докладов проходило в очном режиме и только несколько участников зачитывали их онлайн. Первый доклад «От „черного квадрата“ до рыжего человека. Об одной философской катастрофе» сделал один из пионеров хармсоведения Ж.-Ф. Жаккар (Швейцария). Он затронул одну из интереснейших проблем — личные и творческие взаимоотношения Хармса с Малевичем. Известно, что во второй половине 1920-х годов эти отношения были весьма тесными: Малевич

* Конференция и настоящая публикация осуществлены в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-28-01177, <https://rscf.ru/project/24-28-01177/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

помогал будущим обэриутам, предоставлял им помещение для репетиций, а также участвовал в переговорах о вступлении в ОБЭРИУ. Исследователь показал, что логика беспредметного искусства (своего рода минус-прием в процессе представления), которую мы обнаруживаем у ранних авангардистов, была актуальна и для Хармса, при этом целый ряд концептов, возникающих в хармсовских текстах, явился результатом рефлексии работ Малевича. В этом плане аналогом стремления к беспредметности в живописи, по мысли Жаккара, становится хармсовский «рыжий человек», чьи предметные характеристики «обнуляются» на глазах у читателя.

В. Н. Сажин (Санкт-Петербург) начал свой доклад «II Разрушение» с проблемы отсылки в текстах Хармса к священным текстам (прежде всего, к Библии и Евангелию). Интересно, что одновременно с конференцией в петербургской K-Gallery проходила выставка материалов из собрания издательства «Vita Nova», среди которых были, в частности, представлены издания этих книг, принадлежавшие Хармсу и содержащие его пометы. Парадоксальным образом исследователю удалось соотнести религиозную тематику Хармса с принципом пресловутого «разрушения», которое было связано с деконструкцией ожидаемости на всех уровнях (сюжета, жанра, образа писателя и т. п.).

Доклад Ф. В. Кувшинова (Липецк) был выполнен в жанре анализа одного стихотворения. «Утро (пробуждение элементов)» Хармса рассматривалось одновременно как с точки зрения истории текста, так и с помощью имманентного разбора. Текст понимается исследователем как результат творческих усилий поэта, длившихся с 11 по 18 января 1930 года. При этом было весьма убедительно продемонстрировано, что в «Утре» аккумулированы концепты и мотивы целого ряда предшествующих текстов («Стук перед», «Мы приехали. Шипела...», «Все наступает наконец...», «Жил мельник...», «чтобы в пулю не смеяться...», «Нет ответа. Камень скок...», «Ну-ка выбегги Маруся...», «Злое собрание НЕВерных»). Таким образом, «Утро» следует воспринимать не как рядовое стихотворение Хармса, а как завершение целого этапа, связанного с поэтическим осмыслением идеи гармонии Божественного бытия.

В выступлении «„Так говорил я себе о старухе“: „Старуха“ Хармса и „Стереоскоп“ Александра Иванова» Д. В. Токарев (Франция) предпринял попытку ввести в число претекстов хармсовской «Старухи» фантастический, «сумеречный рассказ» А. П. Иванова «Стереоскоп» (1905; опубл. 1909). Исследователь попытался доказать, что на этот рассказ (ставший единственным опубликованным при жизни текстом автора) Хармс мог опираться на всех уровнях — от построения сюжета «Старухи» до создания ее центрального образа. Сообщение вызвало большой интерес и яркую полемику, поскольку участники конференции не

могли однозначно признать данное влияние именно интертекстуальным, а не типологическим, особенно учитывая тот факт, что имя Иванова отсутствует в записных книжках Хармса (тогда как последний весьма скрупулезно отмечал на их страницах не только уже прочитанные книги, но и те, которые он только собирался прочитать).

А. Г. Герасимова (Москва) свой доклад «О черновиках Хармса» посвятила проблеме авторской правки в хармсовских текстах. Разумеется, в ограниченных рамках выступления невозможно было проанализировать более или менее значительный объем продланной писателем и отраженной в его черновиках работы, однако и тех примеров, которые были приведены исследовательницей, достаточно, чтобы показать, как Хармс боролся сам с собой, пытаясь найти нужное слово, которое приблизило бы его к деконструкции устоявшихся эстетических, этических и иных моделей, в противовес которым развивалось его творчество. Самый характерный пример — это случай с рассказом Хармса «Лидочка сидела на корточках...», являющимся экспериментом в области выхода за пределы этически допустимого в сюжетной области. Эксперимент остался незавершенным, поскольку Хармс не отважился его продолжить («...далее писать не буду, очень уж гадко»). Герасимова считает, что в более позднем своем творчестве Хармс уже удалось преодолеть подобные преграды, связанные с нерешительностью.

Интереснейший доклад «Даниил Хармс и компания: к истории будущего музея „слу чай и вещи“» прочел главный редактор издательства «Vita Nova» А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург), который рассказал о том, как зарождалась и пополнялась знаменитая коллекция рукописей и предметов, связанных с Хармсом. Эту коллекцию, принадлежащую издательству и, по сути, представляющую собой основу будущего музея Хармса, собирал сам выступавший (как уже было сказано, в дни конференции она экспонировалась в выставочном пространстве K-Gallery). Особое внимание было уделено тому, каким образом в коллекцию поступали рукописи, картины, книги, принадлежавшие Хармсу, знаменитый чеходанчик Я. С. Друскина, в котором хранился спасенный им архив писателя, его радиоприемник и даже одна из курительных трубок. Каждая вещь имеет свою историю и свою судьбу. Отдельно Дмитренко остановился на проблемах, возникающих в ходе работы по созданию музея Александра Введенского на Съезжинской улице.

А. А. Кобринский (Санкт-Петербург) в докладе «Хармс и (его) женщины» обратился к новым архивным материалам об окружении Хармса 1920–1930-х годов, существенно расширяющим наши представления о контактах Хармса. Предметом доклада были преимущественно отношения Хармса с женщинами. Выступавший рассказал о подругах Хармса — Ма-

рии Мироновне Бирштейн (1902–1992), ученице Ухтомского, ставшей впоследствии видным экономистом, педагогом, автором первой в СССР деловой игры «Красный ткач» (1932); Любови Абрамовне (Григорьевне) Кац-Каплинской (1905–?) по прозвищу Ветерок, чей дядя Меер Юделевич Кац-Каплинский (1874–1932) был известным петербургским архитектором, специалистом по проектированию жилых зданий, работавшим в стилях модерн и неоклассицизм; Тамаре Романовне Раппапорт (Маро) (1903–?), внучке музыкального критика Маврикия Якимовича Раппапорта (1827–1885), сестре режиссера и драматурга Виктора Романовича Раппапорта (1889–1943), который был с 1907 года хорошим знакомым М. Кузмина, и др.

А. В. Митрофанова (Санкт-Петербург) рассматривала вопрос о роли и месте Н. М. Олейникова как в истории возникновения и деятельности ОБЭРИУ, так и в формировании поэтики объединения. Доклад неслучайно был назван «Николай Олейников — „оглашенный“ при ОБЭРИУ»: хотя он и не участвовал в публичных выступлениях обэриутов, но постоянно поддерживал с ними дружеские и творческие связи. Исследовательница убедительно показала, что поэтика формально не входившего в ОБЭРИУ Олейникова была существенно ближе к обэриутам, чем, например, поэтика К. К. Вагинова, который был «законным» членом объединения. Также она не ограничилась простым сопоставлением и, проанализировав разные аспекты отношений Олейникова и членов ОБЭРИУ, сделала вывод о том, что влияние имело взаимонаправленный характер.

В докладе «Мотив апокалиптического пиршества в лирике Даниила Хармса 1930 г.» Бьянка Кирилэ (Румыния) обратилась к теме эсхатологии в лирике указанного периода на примере анализа четырех стихотворений, объединенных по тематическому принципу: «I Разрушение» (6–21 ноября 1929), «Мы (два тождественных человека): Приход нового года...» (31 декабря 1929), «Стук перед» (11 января 1930) и «Утро (пробуждение элементов)» (18 января 1930). В первых двух стихотворениях был прослежен мотив катастрофы, конца времен и конца света, вызванного десакрализацией неподвластного человеку времени через вмешательство государственных властей в божественный порядок «Хроноса» (речь идет о замене седмицы для введения непрерывной рабочей недели и об отмене святочных праздников: здесь автор доклада развивала идеи Л. С. Флейшмана). В этих произведениях, посредством мотивного сплетения «тело — течение — счет», также выявляется скрытая отсылка к квазифилософскому трактату «Сабля». В последних двух стихотворениях рассматривались образы космогонического перерождения мира, которые у Хармса выражают новое начало как в поэзии, так и в любви. В заключение Кирилэ сделала вывод о том, что спасение от апокалиптической реальности ге-

рой обретает лишь в Логосе, в «регистрации мира буквой», которая представляет собой метафору теургического начала поэтического слова.

Т. П. Хайрулин (Москва; Санкт-Петербург) выступил с докладом «От абсурда до нонсенса: Даниил Хармс и Льюис Кэрролл в битвах со смыслами». Как известно, Л. Кэрролл и Э. Лир неоднократно упоминаются Хармсом в списках любимых писателей, а стихи Кэрролла Хармс переписывает себе в оригинале и даже пытается переводить. Тем не менее серьезных исследований, раскрывающих связи Хармса с английской литературой, практически нет. Исследователь актуализировал проблему интертекстуальных и типологических схождений в текстах Хармса и Кэрролла и вновь поставил вопрос относительно того, насколько в принципе обосновано сопоставление художественного метода представителей ОБЭРИУ с поэтикой нонсенса. Особо стоит отметить анализ сцены суда из кэрролловской «Алисы в Стране чудес», которую Хайрулин считает породившей целую парадигму и повлиявшей на такие произведения XX столетия, как «Процесс» Ф. Кафки и «Приглашение на казнь» В. В. Набокова. Хармсовская пьеса «Елизавета Бам» оказывается в этом же ряду произведений, омысляющих человеческое существование сквозь призму судебно-юридической образности.

В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) рассматривались стихотворные произведения Хармса, полностью написанные свободным стихом или с его использованием. Всего в основном корпусе Орлицкий обнаружил как минимум 67 текстов, сопоставимых со свободным стихом, что, по его подсчетам, является третьей (после Хлебникова и Кузмина) авторской группой русского верлибра в рамках русской поэзии 1900–1930-х годов. Орлицкий предложил определенную типологию переходных форм, таких как полиметрическая композиция, гетероморфный стих, прозиметрическая композиция. Исследователем был установлен вектор движения поэта: от переходных форм к чистым, которыми в 1930 году Хармс пишет большинство своих верлибров, а также подробно проанализировано несколько наиболее интересных произведений поэта со стиховедческой точки зрения. В качестве материала были использованы не только произведения Хармса, но и отрывки из его записных книжек, касающиеся стиховедческих вопросов.

В центре доклада И. Е. Лоцилова (Новосибирск) «„Марш конца вещей“: между водевилем и „Илиадой“» оказалось стихотворение Хармса «Осса» (6 августа 1928). Ранее в хармсоведении это стихотворение не было предметом серьезного изучения. Однако Лоцилову удалось показать, что многие лежащие в его основе имена и мотивы вовсе не случайны, а имеют вполне определенный и значимый генезис. Среди них, конечно, прежде всего, нужно назвать имя Каратыгина, которое, по обоснованной гипотезе Лоцилова, отсылает к Петру

Андреевичу Каратыгину, актеру и драматургу, написавшему комедию-водевиль «Чудак-покойник, или Тайственный ящик» (1841).

Доклад Ю. М. Валиевой (Санкт-Петербург) «Хармс и Заболоцкий у „Осьминогов“», основанный на мемуарных и архивных источниках, был посвящен одному из малоизученных домашних литературных кружков Ленинграда 1920-х годов, на заседаниях которого выступали два автора. Были приведены начальные сведения о составе и эстетических предпочтениях кружка «Осьминогов», созданного студентами и выпускниками филологического факультета Ленинградского университета. На материале переписки Д. Е. Максимова с сыном Заболоцкого Никитой Николаевичем рассмотрены предварительные этапы работы филолога над эссе для сборника «Воспоминания о Заболоцком». Указано на проблеме верификации датировок выступлений обэриутов в воспоминаниях Максимова о Заболоцком и других источниках.

И. Анастасевич (Сербия) продемонстрировала в своем докладе «Иван Топорышкин как комикс-персонаж» историю появления персонажа советских комиксов для детей, имевших явный политический уклон. В центре внимания исследовательницы были как Иван Топорышкин, так и Макар Свирепый (внешность обоих была вполне узнаваема: первый представлял собой несколько карикатурного Хармса, а второй — такого же карикатурного Олейникова) из журнала «Еж». Основой для создания советского комикс-персонажа стал герой французского комикса репортер Тинтин. Благодаря этому заимствованию и возникли образы, ставшие «родными» для журнала и его рубрик.

Доклад Т. Л. Никольской (Санкт-Петербург) назывался загадочно: «Прямо — наоборот, или Три дворника». Однако сам доклад был посвящен проблеме влияния Хармса на отечественную рок-культуру. Выступавшая проанализировала примеры обращения к обэриутам Л. В. Федорова, лидера группы «Аукцион», в частности — его альбом на стихи Хармса «Постоянство веселья и грязи». Автор сравнила музыкальные интерпретации этого хармсовского текста группами «Странные игры», «Знаки препинания» и Федоровым. Как всегда, сообщение Никольской было украшено ее собственными воспоминаниями.

П. А. Казарновский (Санкт-Петербург) представил доклад «Владимир Эрль в работе над бременским собранием Д. Хармса». Эрль — поэт и известный текстолог эпохи неподцензурной словесности — десять с лишним лет посвятил работе над архивом Хармса. Автор сделал подробный обзор этапов его деятельности, результатом которой стало подготовленное совместно с М. Б. Мейлахом бременское собрание произведений поэта (1978–1988), растянувшееся на длительный срок и не законченное из-за ареста Мейлаха (из девяти запланированных

томов вышло только четыре). Особое внимание уделено рукописной тетради, в которую Эрль скопировал знаменитый «гроссбух» Хармса. Кроме этого, Казарновский провел тщательное сравнение списков Эрля с двумя авторитетными изданиями Хармса.

Доклад Н. М. Трофимова (Санкт-Петербург) «„Хармсовский текст“ в творчестве „южинского кружка“ на примере рассказа „Бабушка“ Е. В. Головина» также был посвящен проблеме влияния Хармса на последующий литературный процесс. В нем были продемонстрированы доказательства явной преемственности творчества Хармса и одного из главных представителей «южинского кружка» — поэта и эссеиста Евгения Всеволодовича Головина (1938–2010). На материале рассказа «Бабушка» были установлены значимые пересечения с одним из наиболее известных текстов Хармса — повестью «Старуха».

В центре доклада Е. В. Панкратовой (Смоленск) была проблема организации художественного пространства в стихотворениях Хармса. Она показала, что хармсовская пространственная модель мира формально строится в соответствии с традиционными представлениями о свойствах верха и низа, однако отличается от традиционной вертикально ориентированной системы поведением объектов. Форма и размер объектов меняется в зависимости от их нахождения вверху или внизу. Объекты перенимают свойства пространства: увеличиваются вверху, становятся бестелесными и уменьшаются внизу. При этом они могут не только увеличиваться или уменьшаться, но и принципиально менять свой внешний вид, существуя в разных формах и в разных точках пространства.

Д. В. Сидоров (Смоленск) выступил с собственной концепцией, которую он вынес в заглавие своего доклада «Принцип „заражения“ в творчестве Даниила Хармса». Суть принципа заключается, по мысли исследователя, в том, что свойства персонажей текстов Хармса и предметов передаются друг другу не в рамках причинно-следственных и (или) иных логически описываемых категорий, а по принципу пространственной смежности. В центре внимания оказался цикл Хармса «Случаи».

С финальным докладом («Рождение Ювачева-сына») на конференции выступила М. К. Махортова (Санкт-Петербург), внучатая племянница Хармса, дочь сына его сестры Елизаветы Грицыной. Она коснулась истории рождения Хармса, событий, предшествующих рождению, первых лет жизни маленького Дани и семейных отношений Ювачевых. Большое внимание было уделено роли матери в воспитании будущего поэта, противоречиям в характерах и жизненных взглядах его родителей. Докладчица использовала материал из дневников Ивана Павловича и семейной переписки Ювачевых.

Сергей Викторович Денисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Viktorovich Denisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8274-8618

sden-x@mail.ru

**ДВЕНАДЦАТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВСЕ МИРАЖИ МИРА: ИЛЛЮЗИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

***ALL THE MIRAGES OF THE WORLD:
ILLUSIONS IN LITERATURE AND ART TWELFTH APRIL INTERNATIONAL
INTERDISCIPLINARY RESEARCH CONFERENCE***

[*Meeting Abstract*]

Александр Аркадьевич Кобринский

юрист Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Arkad'evich Kobrinskii

Lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6980-4232

444-44-4@list.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДАНИИЛ ХАРМС: ПОЭТИКА, ИСТОРИЯ, КОНТЕКСТЫ»**

***DANIIL KHARMS: POETICS, HISTORY, CONTEXTS
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE***

[*Meeting Abstract*]